

Все лица толпы изменились.

Линь Цзюэ сказал «ветераны», но его глаза были прикованы к Бай Лисиню и Ся Чи.

Ся Чи с самого начала сидел тихо и послушно, когда вдруг услышал, как Линь Цзюэ спросил: «Ты сказал, что тебя зовут Ся Чи?»

Ся Чи напряжённо посмотрел на него: «Да, что случилось?»

Линь Цзюэ посмотрел на него и покачал головой: «Ничего, кто-то идет».

Кто-то идет?

Толпа задавалась вопросом, почему Линь Цзюэ сказал это, когда в следующую секунду они услышали звук шагов за пределами яблоневого сада. Затем появились шесть человек в форме.

Униформа чем-то напоминала костюмы западных священников, и всем этим шестерым, мужчинам и женщинам, было от тридцати до сорока лет. На их розовых лицах были нежные и добрые улыбки.

Ведущим был мужчина лет сорока: «Проходите, дети, учителя пришли».

Это был NPC для переходного сюжета. Игроки так к этому привыкли, что встали без особой реакции и последовали за священниками и монахинями, не сказав ни слова.

Бай Лисинь и Ся Чи шли последними, и Эмиль замедлил шаг, чтобы подойти к ним.

Эмиль наклонился к Бай Лисиню, его длинные светлые волосы упали из-за ушей.

Он понизил голос, и в нем была угроза: «Вы двое, никому не говорите о том, что произошло на 50-м этаже, особенно Линь Цзюэ».

Бай Лисинь посмотрел на блондина и спросил: «Разве твой президент не знает об этом? Разве человек в капюшоне не твой президент?»

Лицо Эмиля покраснело от досады: «Это наш вице-президент! В любом случае, вы не должны никому говорить об этом или не обвинять меня в грубости».

Ся Чи не мог не вставить: «Что ты можешь сделать? Ты можешь попробовать».

Лицо Эмиля покраснело еще больше, когда он посмотрел на Ся Чи и Бай Лисиня, не в силах ничего сказать.

Линь Цзюэ, шедший впереди, посмотрел на них с любопытством в глазах.

Говорили, что это Дом Красного Яблока, а самое поразительное — этот яблоневый сад. Двадцать игроков следовали за монахинями и священниками по саду. Затем они прошли по длинному коридору, прежде чем, наконец, оказались перед зданием.

Это было похоже на церковь, но не совсем.

Снаружи стены были чисто белыми, а посреди треугольной крыши наверху было нарисованное круглое красное яблоко.

Были написаны слова «яблоко».

Возле здания стояло несколько длинных лимузинов, и сцена выглядела очень роскошно.

Священник: «Дети, сделайте несколько шагов, гости приехали».

Гости?

Какие гости?

Игроки переглянулись и вошли в здание.

Оказавшись внутри, они увидели гостиную за прихожей, а за ней стоял длинный стол, предположительно обеденный.

Священники провели их через гостиную и обеденный стол в комнату, выкрашенную античной латунной отделкой.

«Гости очень любезны и всегда приносят нам много еды». Старый священник сказал: «Входите».

Игроки не знали, чего ожидать.

Священник толкнул дверь, и игроки наконец увидели «гостей», как он их назвал.

За дверью был длинный ряд красных ковров, и по обе стороны от него сидели два ряда людей, как мужчины, так и женщины. Мужчины были одеты в костюмы, а женщины в изысканные платья. Каждый из них держал в руках книгу и ручку, опустив головы и что-то записывая в них.

Священник: «Встаньте в шеренгу и помните, чему я обычно вас учу, дети. Держите головы высоко, выходите смело и уверенно, и не забывайте ставить ноги в конец красной ковровой дорожки, чтобы гости могли вас видеть».

Игроки: «???»

Это был групповой подиум?

Группа монахинь и священников вышла в унисон и поставила 20 игроков в ряд: Бай Лисинь, Ся Чи и Эмиль в последнем ряду, а Линь Цзюэ впереди.

На первой позиции стояла женщина-игрок, которая находилась выше 300-го этажа.

По настоянию священника она глубоко вздохнула и вышла.

С высоко поднятой головой и приподнятыми бедрами она вышла на подиум.

Мужчины и женщины, сидевшие по обе стороны, улыбались, когда смотрели вниз и что-то записывали.

Бай Лисинь заметил, что каждый раз, когда кто-то уходил, мужчины и женщины с обеих сторон делали записи. Выражения их лиц все время оставались одинаковыми, всегда с самой стандартной улыбкой, как будто они хотели изобразить только одно это выражение.

Когда подошла очередь Бай Лисиня, он нашел время, чтобы просмотреть блокноты краем глаза на ходу. К сожалению, он не мог распознать слова.

Когда Эмиль, последний в очереди, закончил, их хором снова вывели к проходу, и священник встал возле играющих, выжидающе глядя на гостей, как будто чего-то ожидая.

— Хорошо, они хорошие дети. Один из гостей улыбнулся и встал: «Спасибо, Дом Красного Яблока, за то, что так прекрасно вселили в нас надежду на будущее».

Он вытащил из кармана карточку и протянул ее священнику: «Вот спонсорские деньги на этот раз».

Улыбка на лице священника стала шире: «Эти дети воспитаны в любви; конечно они лучшие.

Не волнуйтесь, гости, мы позаботимся об этих детях».

Игроки переглянулись.

Отпустив гостей, священник подвел играющих к столу.

Стол был уставлен множеством прекрасных блюд, и он сказал: «Дети, вот что оставили для вас эти гости. Ешьте».

Толпа села, и один человек открыл рот.

«Почему эти гости так хорошо к нам относятся?» Линь Цзюэ посмотрел на священника.

Улыбающееся лицо священника напряглось, и улыбка под его глазами исчезла на секунду, прежде чем она быстро вернулась: «Потому что они все самые добрые из филантропов. Именно благодаря им здесь находится Дом Красного Яблока. Также благодаря им ты смог вырасти таким беззаботным».

Его тон немного изменился: «Но дитя, в следующий раз, когда у тебя возникнет вопрос, не задавай его во время еды. На этот раз я не буду наказывать тебя за проступок, но ешь, не говоря ни слова».

Однако Линь Цзюэ продолжал спрашивать: «Тогда когда я могу спросить?»

Улыбка священника вдруг исчезла: «Конечно, в любое время после еды. Знаешь ли ты, как драгоценна еда перед тобой? Мы хотим от всего сердца поблагодарить эти продукты».

Он сделал паузу: «Ты снова нарушил правила. Ты отправишься в карцер после еды и останешься там на ночь!»

Разумеется, даже самые нежные и любезные на вид NPC проявляли эксцентричность, срывая с себя маскировку.

Другие игроки смотрели на Линь Цзюэ с беспокойством, но сам Линь Цзюэ выглядел очень равнодушным. Он просто опустил голову и ел сушеный корм.

Через полчаса монахиня увела Линь Цзюэ, а остальных увели вверх.

Был уже полдень, когда они вошли в этот экземпляр, тогда им предстояло пройти по красной ковровой дорожке и поесть. Когда они добрались до третьего этажа, группа выглянула наружу через окно и обнаружила, что солнце в какой-то момент село.

Это был рай для живых днем.

Это был рай для мертвых ночью.

Священник посмотрел в окно, и его лицо, на котором была улыбка, скривилось: «Быстрее в свои комнаты. У всех вас есть снотворное рядом с кроватью, так что просто примите его, если не можете уснуть. По два человека в комнате».

Затем он предупредил их: «Вы должны спать до конца ночи. Даже если вы случайно проснетесь, не открывайте глаза и не открывайте их, если услышите какой-нибудь звук, хорошо? Любой звук включает в себя то, что кто-то зовет вас по имени».

С этими словами он в спешке ушел вместе с другими монахинями и священниками.

Выражения лиц игроков были очень серьезными.

Чтобы NPC, появляющиеся днем, были такими страшными, то, что появляется ночью, не должно быть простым.

Линь Цзюэ был решительным лидером этой импровизированной группы, но теперь лидер исчез, и все были немного ошеломлены.

Мужчина с 300-го этажа заговорил: «Слушайте священника. Солнце скоро садит давайте сначала быстро найдем комнату для сна».

Распределение комнат прошло быстро.

Ся Чи жил в одной комнате с Бай Лисинем. В группе было три женщины. Он ожидал, что у одной женщины будет отдельная комната, но оказалось, что мужчина и женщина на 300-м этаже были парой.

В итоге все собрались, а Эмиль остался один.

Лицо Эмиля позеленело: «.....»

Бля, Линь Цзюэ, вернись сюда!

Ся Чи и Бай Лисинь выбрали внутреннюю комнату. Они толкнули дверь и вошли внутрь. Внутри была стандартная спальня с двумя односпальными кроватями, большой тумбочкой посередине и тумбочками поменьше по бокам. На каждой тумбочке стояла маленькая таблетка и одноразовый бумажный стаканчик.

В спальне было окно, а за окном быстро садилось солнце, и в далеком небе оставался только след отблеска, окутанного оранжевым и красным золотом.

За окном было темно и пусто.

Подул ветер, зашелестела листва, и в полной тишине тьмы раздался звук, похожий на собачий лай.

Обстановка, казавшаяся нормальной днем, в сумерках безошибочно угадывалась зловещей.

Ся Чи выглянул наружу и вздрогнул, поспешно задернув шторы.

Мужчина онемел.

Ему казалось, что ночью кто-то заглянет в окно, если он оставит шторы открытыми.

Но когда шторы были закрыты, ему казалось, что за ними что-то прячется.

<http://bllate.org/book/14977/1324661>